
В. Острогорский

Граф Лев Николаевич Толстой

(Род. 28 августа 1828 г.)¹

Родился граф Лев Николаевич 28 августа 1828 в родовом имении своей матери, урожденной княгини Волконской, Ясная Поляна Тульской губернии, Крапивенского уезда. Матери лишился он еще двух лет и воспитывался сначала в деревне, под руководством дальней родственницы отца, выросшей в доме Толстых, Татьяны Александровны Ергольской, а потом в 1837, в Москве, куда переехала семья. В этом же году умер отец писателя, и воспитанием мальчика занимается сначала одна опекунша, тетка, графиня Остен-Сакен, а по смерти ее, в 1840, другая, Пелагея Ильинична Юшкова, перевезшая его вместе с братьями в 1841 в Казань. Воспитание это было аристократическое, в руках гувернанток и гувернеров-иностранцев, и прекрасные рассказы *«Детство»* и *«Отрочество»*, хотя и содержат в себе мало материала, собственно биографического, но знакомят с характером этого воспитания вообще и с той средой родных и знакомых, в которой мальчик рос.

В доме опекунши Юшковой граф приготовился к университетскому экзамену и в 1843 поступил в Казанский университет на факультет восточных языков, пятнадцатилетним мальчиком, по-видимому, без всякой серьезной подготовки, кроме знания иностранных языков, а через год перешел на юридический, где проучился до третьего курса. Университетское образование для Льва Николаевича окончилось, когда ему было едва только восемнадцать лет, причем Казанский университет тогда особенным процветанием наук не отличался, а товарищеская студенческая среда аристократических мальчиков, в которой Лев Николаевич вращался, мало способствовала пробуждению в юноше серьезной мысли. По крайней мере студенческий круг, изображенный писателем в неоконченной повести *«Юность»*, отличается поразительной пустотой и легкомыслием.

Таким образом, писатель был лишен в юности серьезного образования и должен был развиваться и дообразовываться самостоятельно, без всяких посторонних руководств и влияний, тем более что, выйдя из университета, тотчас же поселился на постоянное житье в Ясной Поляне, доставшейся ему по разделу, и наезжал в Москву и Петербург только изредка.

Почти через восемь лет посетил его в деревне в 1851 его брат, кавказский артиллерийский офицер, граф Николай Николаевич, приехавший в отпуск, и уговорил его проехать по Кавказу. Природа страны и характерная жизнь горцев, казаков и наших кавказских офицеров очень полюбились Льву Николаевичу, и он поступил на службу в кавказскую артиллерию. С этого времени пробуждается в нем творческий талант, и в пятидесятых годах появляются его рассказы из кавказской жизни (*«Набег»*, впоследствии *«Казаки»* и др.), *«Детство»*, *«Отрочество»*, *«Утро помещика»* и пр.

При начале восточной войны, в 1853, Льва Николаевича перевели в Дунайскую армию, в штаб князя Горчакова, а затем — в Севастополь. Он участвовал в сражениях на Черной речке (1855) и при общем штурме Севастополя 27 августа и был отправлен в Петербург курьером к государю Николаю Павловичу. В это-то время, под тяжелым впечатлением всего виденного и переиспытанного, написаны его знаменитые *«Севастопольские рассказы»* и рассказ из кавказской жизни *«Рубка леса»*.

По окончании войны в 1855 Лев Николаевич вышел в отставку. До 1861 он проводил зимы в Москве и Петербурге, уезжая летом в деревню, и за период 1855–1861 написаны *«Юность»*, *«Два гусара»*, *«Альберт»*, *«Люцерн»*, *«Семейное счастье»*, *«Поликугика»*.

¹ Граф Лев Николаевич Толстой умер 3 ноября 1910 г. Настоящая книга писалась при его жизни.

Съездив за границу в 1861, Лев Николаевич окончательно поселился в деревне, отдавшись служению народу в качестве мирового посредника и учителя. На собственные средства завел он в своем имении народную школу, где преподавал сам, вместе с наезжавшими к нему из Петербурга молодыми людьми, желавшими попробовать педагогические силы, и даже стал издавать педагогический журнал *«Ясная Поляна»*, где помещал, между прочим, рассказы, записанные со слов детей или созданные для ребят им самим.

В 1862 Лев Николаевич женился на дочери доктора, Софье Андреевне Берс, и с этого времени и до сих пор живет или в деревне или в Москве. В конце шестидесятых годов написан им на основании глубокого изучения аристократических семейных архивов и войны 1812 года знаменитый роман *«Война и мир»*, а в семидесятых — роман *«Анна Каренина»*. Этим романом, если не считать прекрасного рассказа *«Смерть Ивана Ильича»*, напечатанного в 1885, к величайшему сожалению всей читающей публики не только в России, но и за границей, где Льва Николаевича считают одним из лучших европейских художников нашего столетия, на долгое время прекращается собственно художественная деятельность писателя, который снова и всецело перешел к деятельности литературно-педагогической.

В 1882 в журнале *«Детский отдых»* появился его прекрасный рассказик *«Чем люди живы»*. А затем последовали книжки для народного чтения и статьи педагогического характера, которые при всех своих достоинствах далеко уступают художественным произведениям, доставившим Льву Николаевичу такую славу.

«Друг мой, — писал ему на смертном одре карандашом свое последнее письмо И.С. Тургенев, — вернитесь к литературной деятельности! Весь этот дар ваш оттуда, откуда все другое. Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на вас подействует! Друг мой, великий писатель русской земли, внемлите моей просьбе».

Но последний завет одного великого умирающего писателя другому, полному великих сил, долгое время оставался неисполненным. Граф Лев Николаевич пишет рассуждения о вере, о воспитании, о нравственности, о жизни вообще, сам пашет землю, каким он и изображен на картине художника Репина, изданной для народа, поучает, как жить, и письмами и устно, своих восторженных почитателей, но *художественную-то деятельность, к которой дан ему такой чудный дар*, оставил, за редкими исключениями, почти вовсе. В 1899 им написан роман *«Воскресение»*.

Граф Л.Н. Толстой — последний оставшийся в живых величайший наш писатель из тех, которыми Россия должна гордиться. Простотой изображения, их рельефности, красотой и точностью языка, спокойствием рассказа и жизненностью гр. Толстой всего более напоминает Пушкина в его прозе. Ему же Толстой уподобляется в удивительном умении рисовать лица самые разнообразные, от серого мужика, бабы, солдата, нищего оборванца до важного министерского чиновника, государственного человека, полководца, императора Наполеона, самого высшего аристократического общества, блестящих кавалеров и дам, обнаруживая в людях всех состояний самые сокровенные их чувства и мысли. Знанием человеческой души Толстой равен Достоевскому, но гораздо светлее его смотрит на жизнь, изображает характеры не исключительные, болезненные, а общие, и притом очень сжато, в немногих ярких чертах. Лица Толстого, подобно лицам Пушкина, точно литые фигуры, выступают перед читателем необыкновенно определенно и живо понимаются и сохраняются в памяти, как будто мы когда-нибудь встречали их сами в жизни. В отношении мастерства письма такие вещи, как *«Три смерти»*, *«Рубка леса»*, *«Набег»*, *«Севастопольские рассказы»*, *«Детство»* и *«Отрочество»*, многие сцены в *«Войне и мире»* и *«Анне Карениной»*, не уступают в достоинствах величайшим произведениям всей мировой литературы как древней, так и новой. Это художник такой, у которого, как у Пушкина, Гоголя, Гончарова и отчасти Писемского, с величайшим наслаждением учишься понимать жизнь именно из самых образов и картин, вполне

понятных без всяких объяснений со стороны автора, почему невольно жалеешь о том, что он любит иногда пускаться в пояснения и рассуждения, как например, в «*Войне и мире*», которые хотелось бы опустить, как мешающие целостности, непосредственности впечатления, ибо такой крупный писатель, как Толстой, должен учить живыми примерами, а не отвлеченными умствованиями и указкой. И это тем справедливее, что помимо всяких личных пояснений, через все его сочинения и без того красною нитью проходит одна общая, высокочеловечная, христианская мысль: самое дурное в человеке — бессердечность, черствость, эгоизм, ложь, условное, выдуманное, натянутое, напущенное со стороны, где бы и в чем бы это ни выражалось: в обществе ли, в отдельном ли человеке, почему Толстой и выставляет столько подобных примеров и среди военных, и в бюрократии (чиновничестве), и в аристократическом кругу женщин и мужчин. Наоборот, самое лучшее в человеке это простота и чистота сердца, непосредственность и задушевность, любовь к людям, снисходительность, добродушие и милосердие. Вот почему Толстой с такой любовью отыскивает человеческие образы хороших мужчин и женщин и в кругу аристократическом, не успевшем их испортить, и особенно между солдатами и крестьянством, в простом народе, который писатель вовсе не выставляет искусственно лучшим, чем он есть на самом деле, и в котором справедливо видит великую нетронутую силу России, почему часто и противопоставляет испорченному высшему классу людей из народа.

В такой руководящей мысли писателя о человеческой лжи и правде — его величайшая сила, так могущественно действующая на читателя. «В свете, — говорит Толстой своими сочинениями, — в поверхностном образовании, не коснувшемся сердца, одна лишь пустота и тьма; настоящий истинный свет у народа, который только нужно образовывать», и писатель с особенною любовью выставляет в этом народе то хорошее, чего в нас нет.

Содержание сочинений Льва Николаевича разнообразно. Во-первых, встречаем мы целый ряд типов и картин из высшего *аристократического общества*, которое так верно, беспристрастно, разносторонне не изображал в русской литературе никто. Здесь и воспитание, и образование, и времяпровождение, и весь духовный склад богатой статской и военной молодежи, разнообразнейшие типы женщин с их детством, девичеством, сердечными романами, увлечениями и, наконец, семейною жизнью, — словом, в сочинениях Толстого весь высший русский свет со всеми его интересами и психологией («*Детство*», «*Отрочество*», «*Юность*», «*Два гусара*», «*Записки маркера*», «*Война и мир*», «*Анна Каренина*», «*Смерть Ивана Ильича*»).

Во-вторых, гр. Лев Николаевич — живописец жизни, собственно семейной («*Семейное счастье*», «*Анна Каренина*»), со всеми ее радостями и горестями. Горячий сторонник святости семейного союза, добрых отношений между супругами, семейного воспитания детей, материнской к ним привязанности, он ясно показывает, что не прочно счастье, заключенное в тесном кругу одних только личных семейных интересов, тем более, когда жена не равна мужу по своему умственному развитию и не может принимать никакого духовного участия в его умственной деятельности. Семейный союз, если нет в нем любви, если он основан только на одном кодексе светских приличий, на расчете, зиждется на песке и легко разрушается, ведя за собой одно горе и гибель («*Анна Каренина*»).

В-третьих, Толстой — единственный у нас изобразитель *жизни военной*. Его *кавказские* и «*Севастопольские рассказы*», «*Война и мир*» принадлежат к величайшим мировым произведениям литературы, как по обилию и разнообразию типов офицеров всех рангов, возрастов и общественных положений до полководцев и солдат и военных героев включительно, так и по отношению писателя к войне вообще, с которой он срывает ореол блеска и в которой видит величайшее зло для человечества. В своих изображениях военного быта и войны Толстой открыл целый новый мир, не тронутый так глубоко никогда не только у нас, но и в литературе западной.

В-четвертых, наконец, Лев Николаевич один из самых ярких и правдивых у нас изобразителей *простого народа, мужика*. «Утро молодого человека», «Поликушка» с изображениями еще крепостного, крестьянского быта, народные типы, рассеянные в других произведениях, некоторые из мелких рассказов («Чем люди живы», «Два старика»), народ в «Войне и мире» — дают нам обстоятельное знакомство с роевой, массовой силой многомиллионного народа, которая скромно таится в мирные эпохи, скрывая в себе, вместе с грубостью, целый неиссякаемый родник добра, и только в исключительных случаях личной жизни или в эпохи народных войн, как, например, в 1812 году и в Севастополе, заявляет о себе неслыханным великодушием, терпением и геройством, значения которых этот народ сам и не подозревает.